ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.
Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Прос 29

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ

ИЗЪ № 77

РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ.

№ 2. Ноябрь 1905 г. № 2.

ИТОГИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

Полтора года тому назадъ вся Россія трепетала въ глубокомъ мракѣ. Уже раздавались первые, еще далекіе, еще неясные удары приближающейся бури. Полтавскіе и харьковскіе крестьяне уже вставали за землю, рабочіе Петербурга и Москвы, сѣвера и юга, Польши и Финляндіи уже поднимались за волю и уже гордо развѣвалось красное знамя въ рукахъ Гершуни и Балмашева, знамя земли и воли, братства, равенства и свободы, соціализма и революціи.

И все таки былъ мракъ. И все таки надъ измученной и окровавленной страной черной тучей висѣло самодержавіе, самодержавіе Плеве и Николая, того Николая, который не щадилъ никого и котораго не пощадитъ гнѣвъ народа... Кто взялся бы тогда предсказать близкое будущее? Кто смѣлъ вѣрить, что настанутъ январьскіе дни, что съ русскаго, осѣненнаго андреевскимъ флагомъ, броненосца полетятъ снаряды въ Одессу, что такъ скоро грянетъ гроза революціи и что царь, жалкій плѣнникъ дворца въ Петергофѣ, такъ постыдно капитулируетъ передъ народомъ?...

15 іюля положило рѣзкую грань въ судьбахъ Россіи. Егоръ Сазоновъ не Плеве убилъ. Онъ ранилъ на смерть самодержавіе, душу его и его идею. Еще рабы, мы уже поняли, что значитъ свобода. Еще не вѣря, мы уже знали, что пробилъ судный день Николая. Еще во тьмѣ, мы уже видѣли робкія зори.

Выстрѣлъ Карповича былъ первымъ призывомъ къ активной борьбѣ. Онъ указывалъ путь, онъ намѣчалъ ходъ исторіи. Онъ былъ скорѣе символъ, чѣмъ фактъ: не стало Боголѣпова, родился терроръ. Гершуни принялъ наслѣдство. Онъ смѣло пошелъ по новой дорогѣ, непонятый и безстрашный, гордый и злобно осмѣянный глупцами. Что нужды? Ихъ споры и смѣхъ были пылью на его торномъ пути. Великій революціонеръ, онъ не замѣчалъ ихъ, онъ поднялъ тяжкое бремя : — онъ Сазонову расчистилъ дорогу.

Никогда ни одинъ временщикъ не зналъ такой ненависти. Никогда ни одинъ человѣкъ не рождалъ къ себѣ такого презрѣнья. Никогда самодержавіе не имѣло такого слуги. Страна изнемогала въ неволѣ. Кровью пылали города и тщетно сотнями гибли борцы за свободу. Тяжелая рука Плеве давила все. Какъ крышка гроба лежала она на возставшемъ, уже пробужденномъ народѣ. И мракъ становился все гуще, и все невыносимѣе становилось жить.

И тогда Сазоновъ пошелъ умирать. Онъ убилъ не Плеве. Онъ въ самое сердце поразилъ Николая.

15 іюля самодержавіе лишилось не только самаго вѣрнаго изъ своихъ купленныхъ слугъ, — оно лишилось того, что не покупается золотомъ и что не дается молебнами,—оно лишилось своего обаянія, обаянія власти, грознаго обаянія силы, той силы, которую нельзя побѣдить и которая ничего не боится.

Динамитный терроръ, мечта тѣхъ, кто умѣлъ владѣть револьверомъ, вошелъ въ жизнь, сталъ дѣйствительностью, и обагренный въ крови Николай впервые почувствовалъ, что значитъ кровь и впервые же понялъ, что кровь рождается кровью.

Страхъ сталъ царить во дворцѣ, какъ онъ царилъ послѣ 1-го марта. Страхъ плохой совѣтникъ. Въ тѣ двери, куда онъ вошелъ, слѣдомъ стучится смерть. И въ Петергофѣ началась агонія.

Но и это не все. Съ 15 іюля самодержавіе агонируетъ. Оно держалось съ тѣхъ поръ не своей внутренней силой, — оно держалось слабостью революціи, слабостью еще не готоваго умирать народа. Но революція росла и народъ ей учился. Сазоновъ разбудилъ спящихъ, онъ вдохнулъ въ нихъ страшную силу, онъ воскресилъ надежду и, нанесши смертельную рану самодержавію, онъ оживилъ революцію.

Наступилъ короткій періодъ рѣчей. Періодъ словъ и робкихъ желаній. Шиповы и Струве выступили на сцену. Всегда робкіе, всегда juste milieu, всегда готовые на уступки, далекіе отъ народа и не знающіе его, они на мигъ заговорили. Заговорили опять какъ рабы, надѣясь на царя и на его новыхъ министровъ. Они говорили, а народъ молчалъ. Они говорили, а народъ въ тишинѣ ковалъ мечъ. Они говорили, а народъ учился вооруженной борьбѣ.

Есть мѣра терпѣнью, какъ есть мѣра отвагѣ и силѣ. 9-ое января переполнило чашу народнаго гнѣва. Смертельно раненый деспотизмъ, умирая, мстилъ и, мстя, праздновалъ кровью близкій день своихъ похоронъ. И народъ понялъ это и взялъ въ руки оружіе.

Каляевъ указалъ его. Онъ въ Кремлѣ снова напомнилъ, какъ нужно бороться. Умирать и убивать. Не просить пощады и не щадить. Не бояться ни царя, ни динамита.

Полтора года тому назадъ только отдѣльные смѣльчаки, лучшіе сыны родины, шли съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ и народу свободу. Рѣдко, во тьмѣ, раздавались голоса смерти. Неизвѣстные въ Уфѣ, затѣмъ въ Бѣлостокѣ, въ Бердичевѣ и въ Варшавѣ продолжали дѣло, указанное Карповичемъ и Гершуни. Народъ не рѣшался. Онъ чуждъ крови и великодушенъ. Онъ ждалъ до послѣдней минуты и только въ отчаяніи, въ безысходной тоскѣ взялся за мечъ.

И наступила эпоха смертельной борьбы. Наступило грозное время суда и возмездія. Чьи силы могли остановить налетѣвшую бурю и кто, чѣмъ могъ укротить гнѣвъ народа? Самодержавіе уже погибало, и Треповъ, эта каррикатура на Плеве, могъ только вѣшать, но не побѣждать и управлять.

Никифоровъ и Персинъ, Хохенталь и Прокопе, Окржея и Добровольскій, армяне и русскіе, финны и поляки—всѣ взялись за мечъ, и передовые борцы смѣшались съ рядами возставшаго народа. Терроръ пересталъ быть достояніемъ немногихъ,

225/13

вѣнчанныхъ терновымъ вѣнцомъ Желябовыхъ и Перовскихъ, онъ вошелъ въ плоть и кровь массы, онъ сталъ однимъ изъ средствъ великой борьбы за свободу, однимъ изъ средствъ, — но не самымъ послѣднимъ.

Колебались народныя глубины. Подымались небуженно и незванно. Строили баррикады и со знаменемъ въ рукахъ умирали. Собирались на площадяхъ и открыто требовали свободы. Бастовали всегда и вездѣ. Не считались съ лишеньями, съ жертвами, съ самою смертью. Ярко пылала въ городахъ народная революція и глухо стонало крестьянство. Стонало и сомнѣвалось, и уже готовое встать, ждало, все еще ожидая земли, земли и воли.

И на мрачномъ фонѣ умирающаго самодержавія, на фонѣ возстанія и всеобщей стачки непрерывно и неразрывно раздавались одинъ за другимъ выстрѣлы и взрывы, взрывы и выстрѣлы. Вся страна содрогалась отъ тяжкихъ волненій и вся страна съ чистымъ восторгомъ слѣдила за борьбою еще немногихъ, но уже слитыхъ съ народомъ, за ежечаснымъ, ежеминутнымъ ростомъ террора, террора въ массѣ, террора единицами изъ народа.

«Народная Воля» оставила намъ завѣты. Оставила намъ въ наслѣдство свое побѣдоносное знамя, знамя террора. Карповичъ поднялъ его. Гершуни гордо развернулъ. Сазоновъ, Каляевъ и Сикорскій кровью своей оживили его померкшую славу. Никифоровы и Окржеи, умирая, передали его народу. Народъ протянулъ къ нему свою сильную руку, и оно не погибло и никогда уже не померкнутъ лучи его жертвенной славы. Кто не съ народомъ, тотъ противъ него. И горе, страшное горе тому, кто обѣщая не даетъ, и кляняясь таитъ лицемѣріе. Народъ, разгнѣванный и свободный народъ, сумѣетъ отстоять это купленное его кровью знамя, знамя возстанія, знамя смертельной борьбы, и, отстоявъ, сумѣетъ покарать тѣхъ, кто дерзнетъ коснуться его своей нечистой рукою.

ДѢЛО А. Л. НИКИФОРОВА.

Въ обвинительномъ актѣ дѣло изложено слѣдующимъ образомъ.

«Около 12 часовъ ночи на 28 апрѣля въ гор. Н.-Новгородѣ начальникъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія ротмистръ Александръ Васильевичъ Грешнеръ вышелъ изъ театра по окончаніи спектакля и направился домой. По дорогѣ онъ встрѣтилъ свою знакомую О. Пармундъ-Вашкевичъ, шедшую также изъ театра домой въ сопровожденіи своей горничной Рубинской. Имъ было по дорогѣ и они пошли вмѣстѣ: ротмистръ разговаривая съ Ольгой Пармундъ, а сзади ихъ горничная. Такъ дошли они до дома Исаковича на Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщается охранное отдѣленіе и квартира Грешнера. Подлѣ самаго этого дома неожиданно мимо горничной Рубинской, ее перегоняя, прошелъ какой-то человѣкъ въ разстегнутомъ пальто и мягкой шляпѣ, нахлобученной на глаза. Подойдя сзади вплотную къ ротмистру Грешнеру, этотъ человѣкъ вытянулъ правую руку и произвелъ въ Грешнера почти въ упоръ выстрѣлъ въ его спину. Ротмистръ шагнулъ впередъ, крикнулъ: «Меня убиваютъ!» и свалился съ тротуара на мостовую лицомъ внизъ. Человѣкъ, произведшій въ него выстрѣлъ, сошелъ съ тротуара, обошелъ Грешнера со сто-

роны его головы и произвелъ въ него еще три выстрѣла. Послѣ этого человѣкъ бросился бѣжать по Дворянской улицѣ по направленію къ Варварской церкви. Ему на перерѣзъ кинулся стоящій на углу Варварской площади и Дворянской улицы ночной караульщикъ Титовъ, но лишь только онъ приблизился къ нему шаговъ на 10, какъ человѣкъ этотъ, обернувшись, произвелъ въ Титова выстрѣлъ. Пуля столь близко пролетѣла мимо лѣвой руки Титова, что онъ слышалъ ея свистъ. Давая тревожные свистки, Титовъ продолжалъ преслѣдовать убійцу, который бѣжалъ очень быстро по Варварской улицѣ. Ему навстрѣчу отъ архіерейскаго дома бросился ночной караульщикъ Радаевъ, но бѣжавшій, приблизившись къ нему на пять шаговъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, и пуля столь близко пролетѣла мимо лѣваго бедра этого сторожа, что онъ остановился и сталъ осматриваться, не раненъ ли онъ. Отъ дома управленія государственными имуществами кинулся навстрѣчу убѣгавшему городовой Соколовскій, но тотъ въ трехъ шагахъ выстрѣлилъ въ него,

А. Л. Никифоровъ.

при чемъ, по словамъ Соколовскаго, пуля пролетѣла мимо его виска. Тутъ же навстрѣчу убѣгавшему бросился ночной сторожъ Курицынъ, убѣгавшій произвелъ въ него выстрѣлъ, восьмой по счету. Пуля попала Курицыну въ животъ, и онъ упалъ. Городовой Соколовскій продолжалъ преслѣдовать убѣ-

гавшаго, онъ настигъ его на Благовѣщенской площади и задержалъ его. Убійца вырвался, но на помощь Соколовскому подоспѣли ночной сторожъ Радаевъ и городовой Колобяковъ, который изъ грудного кармана пальто задержаннаго вытащилъ разряженный револьверъ системы Браунингъ. При предъявленіи задержаннаго надлежащимъ властямъ онъ назвался потомственнымъ дворяниномъ Александромъ Львовичемъ Никифоровымъ, безъ опредѣленныхъ занятій, окончившимъ курсъ въ московской школѣ садоводства, высланнымъ административнымъ порядкомъ изъ гор. Москвы. Далѣе онъ заявилъ, что дѣйствительно имъ совершено убійство ротмистра Грешнера и что онъ, желая избѣгнуть задержанія, отстрѣливался отъ гнавшихся за нимъ. Ни на какіе другіе вопросы онъ отвѣчать не пожелалъ, равнымъ образомъ отказался подписать данное имъ показаніе. При обыскѣ у Никифорова отобрано было свидѣтельство № 118, выданное ему нижегородскимъ полицейскимъ управленіемъ для проживанія въ Н.-Новгородѣ въ теченіе 2 мѣсяцевъ, считая срокъ со дня выдачи 11 марта 1905 года. Съ Никифорова снята была фотографія и начальникъ московскаго жандармскаго управленія 10 мая № 6201 увѣдомилъ судебнаго слѣдователя Нижегородскаго Окружнаго Суда по важнѣйшимъ дѣламъ, что личность, изображенная на этой фотографіи, есть дворянинъ Александръ Львовъ Никифоровъ, привлекавшійся при московскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи въ 1902 г. къ дознанію по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 246, 242 и 252 ст. улож. о нак., каковое дознаніе по высочайшему повелѣнію 6 сентября 1903 года разрѣшено административнымъ порядкомъ съ тѣмъ, чтобы подчинить его гласному надзору полиціи въ мѣстѣ жительства его родителей, срокомъ на два года. Ротмистръ Грешнеръ скончался немедленно послѣ произведенныхъ въ него выстрѣловъ, и пріѣхавшій чрезъ нѣсколько минутъ врачъ Медовщиковъ констатировалъ его смерть. На слѣдующій день въ помѣщеніи нижегородской земской больницы скончался и раненый Никифоровымъ ночной сторожъ Матвѣй Аверьяновъ Курицынъ.»

Такъ какъ изъ обвинительнаго акта не видно, чтобы Грешнеръ былъ убитъ по поводу исполненія имъ своихъ служебныхъ обязанностей, а только ясно, что это не было при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, то московскій военно-окружный судъ сдѣлалъ постановленіе о неподсудности ему дѣла Никифорова; но прокуроръ суда, Ивановъ, всегда опасающійся, что, если онъ не отличится звѣрствомъ или подлостью, то могутъ вспомнить, что онъ братъ честной сестры, счелъ нужнымъ опротестовать постановленіе суда, а главный военный судъ, представляющій собой сонмъ озвѣрѣвшихъ и выжившихъ изъ ума старцевъ, конечно, уважилъ протестъ прокурора. На шестое августа назначено было экстренное засѣданіе военнаго суда въ г. Нижнемъ-Новгородѣ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель генералъ-майоръ К. П. Лесле, члены суда: подполковники Капелькинъ, Крастилевскій, Пронашко и Хаборскій, (запасный членъ Федоровъ) при прокурорѣ Л. Н. Обуховѣ. Защитниками подсудимаго были: московскій присяжный повѣренный Малянтовичъ и нижегородскій—Пунинскій. Предсѣдатель и прокуроръ, прибывшіе въ Нижній заранѣе, получили изъ Петербурга предложеніе не выходить на улицу и не высовывать головъ изъ оконъ, во избѣжаніе того, чтобы ихъ не убили.

Засѣданіе суда происходило въ помѣщеніи офицерскаго собранія. Подсудимый Никифоровъ былъ доставленъ изъ тюрьмы въ полночь съ 5-го на 6-е подъ громаднымъ конвоемъ, все зданіе собранія было кругомъ оцѣплено, а во дворѣ, помимо взвода конныхъ и пѣшихъ солдатъ, находился усиленный нарядъ полиціи. Самое засѣданіе суда для вящаго безобразія происходило въ театральной залѣ собранія; за спиной судей красовалась театральная занавѣсь съ изображеніемъ какой-то хищной птицы, терзающей свою жертву. На почетныхъ мѣстахъ возсѣдали два судейскихъ пижона, изъ числа которыхъ товарищъ прокурора Оболенскій не погнушался впослѣдствіи присутствовать и при казни Никифорова. Сбоку помѣстился священникъ и подполковникъ мѣстнаго жандармскаго управленія Поповъ. Изъ публики допущенъ былъ только отецъ подсудимаго, даже матери не позволено было присутствовать. Подсудимый Алекс. Льв. Никифоровъ, не отрицая того факта, что онъ стрѣлялъ въ начальника нижегородскаго охраннаго отдѣленія Грешнера, не призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ его, а отъ всякихъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ безусловно отказался, мотивируя это тѣмъ, что судьи все равно примутъ во вниманіе лишь показанія и объясненія шпіоновъ. Послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія судъ призналъ подсудимаго виновнымъ не только въ убійствѣ Грешнера по поводу исполненія имъ своихъ служебныхъ обязанностей, но и въ преднамѣренномъ убійствѣ сторожа Курицына. Замѣтимъ, что въ числѣ пустыхъ патроновъ, собранныхъ полиціей и фигурировавшихъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, находился одинъ патронъ, отдѣльно завернутый и непохожій на остальные, хотя и подходившій къ револьверу Браунинга. Такъ какъ въ публикѣ упорно ходитъ слухъ, что сторожъ Курицынъ убитъ совсѣмъ не Никифоровымъ, а кѣмъ-то изъ числа лицъ его задерживавшихъ, то защитники старались выяснить, почему приставъ, собиравшій вещественныя доказательства, отдѣлилъ этотъ патронъ отъ остальныхъ, и не попалъ ли онъ сюда ошибкой, но тщетны были всѣ разспросы. Не могли также добиться, кто приказалъ бить Никифорова при его задержаніи. Постановивъ рѣшеніе о виновности А. Л. Никифорова и приговоривъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ московскимъ военнымъ округомъ о замѣнѣ смертной казни двадцатью годами каторжныхъ работъ. Такое ходатайство признается равносильнымъ приговору и, по мнѣнію свѣдущихъ людей, не было еще примѣра, чтобы ходатайство военнаго суда не было уважено. Но командующій московскимъ округомъ Малаховъ, достойная креатура Сергѣя, не желая отстать отъ Трепова въ единственно доступной ему роли палача, не только не уважилъ ходатайство суда, но даже постановилъ всѣмъ судьямъ, ходатайствовавшимъ о помилованіи Никифорова, сдѣлать строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ ихъ формулярные списки, а чтобы впредь не повадно было офицерамъ, призываемымъ исполнять гнусную роль такихъ судей, дерзать на какія бы то ни было ходатайства, велѣно прочесть это распоряженіе командующаго по всѣмъ полкамъ округа. Такова пощечина, которую Малаховъ, этотъ достойный соратникъ Трепова, не постыдился преподнесть всѣмъ военнымъ, у которыхъ не забито еще ихъ чувство человѣческаго достоинства. Будемъ надѣяться, что гос-

пода офицеры съумѣютъ должнымъ образомъ отплатить за такое оскорбленіе, нанесенное ихъ воинской и человѣческой чести, а г. Малахову не удастся уже занять постъ военнаго министра при вседержавіи Трепова, хотя послѣдній, конечно, не останется въ долгу передъ палачемъ племянника Вѣры Засуличъ. Утверждаютъ, что послѣднее обстоятельство послужило главнымъ доводомъ въ глазахъ Малахова, чтобы дерзать на все.

Въ доказательство тайнаго соглашенія двухъ креатуръ Сергѣя—Малахова и Трепова—приводятъ также слѣдующее. Николай будто бы, выйдя изъ повиновенія Трепова, поручилъ фрейлинѣ Нарышкиной въ отвѣтъ на прошеніе, поданное матерью Никифорова, написать Малахову, что онъ, Николай, желаетъ, чтобы ходатайство суда было уважено. Малаховъ, узнавъ, что ему предстоитъ получить такое письмо, поспѣшилъ распорядиться о скорѣйшей казни Никифорова. И дѣйствительно, всѣ приготовленія къ этому гнусному злодѣянію были совершены внезапно и съ величайшей поспѣшностью. Поздно вечеромъ 11-го августа получены были увѣдомленія лицами нижегородскаго судебнаго вѣдомства, а до разсвѣта 12-го во дворѣ тюремнаго замка былъ задушенъ на висѣлицѣ Александръ Львовичъ Никифоровъ однимъ изъ мѣстныхъ тюремныхъ надзирателей, получившимъ за это 25 рублей награды съ оставленіемъ въ должности надзирателя при политическихъ. Александръ Никифоровъ такъ же смѣло взошелъ на подмостки висѣлицы и такъ же гордо умеръ, какъ смѣло и гордо боролся въ теченіе всей своей недолгой сознательной жизни за святое дѣло освобожденія своего народа. Выдающейся чертой его характера была необыкновенная нѣжность ко всѣмъ обиженнымъ и беззащитнымъ не только людямъ, но и животнымъ, и отвращеніе ко всякаго рода компромиссамъ. Слово у него не расходилось съ дѣломъ, и теорія имѣла значеніе лишь поскольку ею опредѣлялась практическая дѣятельность. Въ первый разъ онъ арестованъ былъ въ 1902 году вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по московской школѣ садоводства, причемъ всѣ найденныя у нихъ компрометирующія вещи призналъ за свои. Лѣтомъ 1904 года его снова арестовали, но такъ какъ при немъ ничего преступнаго не было найдено, то его снова черезъ мѣсяцъ выпустили. Въ январѣ настоящаго 1905 года онъ былъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ посаженъ въ Таганскую тюрьму и привлекался, какъ значится въ оффиціальномъ сообщеніи московскаго жандармскаго управленія, по дѣлу о покушеніи на Трепова, хотя никого изъ покушавшихся не зналъ и ничего общаго съ ними не имѣлъ. Черезъ два мѣсяца его выпустили, обязавъ немедленно выѣхать изъ Москвы. Отъ такого обязательства онъ отказался и былъ поэтому высланъ изъ Москвы по этапу, но тотчасъ же вернулся и, только устроивъ свои дѣла, поселился въ Нижнемъ, гдѣ ему не долго пришлось поработать для дорогого ему дѣла и гдѣ онъ «смертью своей доказалъ, что въ немъ сердце не робкое билося, что умѣлъ онъ любить и страдать». Послѣднія его строки были: «Я любилъ васъ всей душой, любите и вы также другихъ. Пишу вамъ передъ исполненіемъ приговора смертной казни. Ну, такъ прощайте же, друзья»...

СЪ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

Намъ доставлено слѣдующее письмо отъ группы русскихъ военно-плѣнныхъ въ Японіи. Печатаемъ его безъ измѣненій.

«Не имѣя возможности въ данное время принять личное участіе въ Россіи въ борьбѣ за свободу, но желая такъ или иначе помочь этому дѣлу, мы рѣшили: собрать деньги для передачи ихъ въ распоряженіе партіи С.-Р. на нужды по изданію брошюръ, для распространенія въ народѣ, признавая таковыя какъ лучшее средство къ поднятію самосознанія и здравыхъ понятій, такъ какъ только при помощи присланныхъ вами брошюръ, намъ удалось разобраться въ вопросахъ не разъ насъ тревожившихъ, и уяснить себѣ всю несправедливость настоящаго порядка у насъ на родинѣ.

«Собранныя нами деньги, пятнадцать энъ (15 энъ), вы будете любезны передать въ распоряженіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

«Отъ лица 27 военно-плѣнныхъ Артурскаго Гарнизона (все нижніе чины).

«P. S. Благодаря энергіи товарищей, дѣло у насъ становится на болѣе твердую почву, привлекая въ ряды все новыхъ и новыхъ поборниковъ праваго дѣла. Мы всѣ глубоко благодарны вамъ за присланныя брошюры.»

ОТЧЕТЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

Получено кассой Заграничнаго Комитета П. С. Р. за СЕНТЯБРЬ 1905 г. (Во франкахъ.) Отъ А. изъ Москвы за литературу — 13 30, отъ садовника изъ Бурга для раб. — 18, изъ Гейдельберга (авг. сент.): за лит.—36 30, отъ сочув.—7 40, въ счетъ бала—1 25, за портр.—2 45, откр.—0 50; Отъ Шр.—53, 35, биб. взносъ—15, изъ Парижа на партію—20, отъ Математика—70, возвр. авансы: — 100, 10 и 30, изъ Америки за лит. 1080, отъ Е. Г. черезъ Е. М.—10, отъ Д. А. черезъ Е. М.—5, изъ Морженъ—1 50, Кларанъ—6 изъ Карлсбада за лит.—33 50, Лозанны—9, Фрейб. — 50, Женев. группы—10 25, за лит, — 9 10. Льежъ (авг.) по дѣлу О. возвр. — 1 75, долгъ за веч. — 5 60, предпр. — 6 65 и 1 90, за лит. — 18 и 16 20, за портр. 0 20, Льежъ (сент.) съ предпр. — 0 70 и 2 40, съ др. предпр. — 5, изъ Д. — 40, за лит. — 40 40, портреты — 1 55, прислано К. Т. — 16, Антверпенъ по листамъ — 5, за лит. 10. Отъ Женев. группы — 50, отъ одного предпр. 708 60, отъ Лондонской группы член. взн. — 39, за лит. — 46 85, отъ Гродн. общества на рев. дѣла — 25, отъ нѣмецкихъ соц.-дем. — 1230, сборъ для Сах. — 957, отъ ближняго — 100, за лит. —2, отъ Вер.— 2000, пожертвов. — 625 и 500, въ пользу стач. отъ Клеведенда — 150 и изъ Берна — 20.

ОКТЯБРЬ. Отъ В. М, — 5000, возвр. наб. авансъ — 10 и 10, изъ Нью-Іорка отъ Блеквелля — 25 75, отъ Верхарна — 1100, ближній — 100, отъ Шольца въ уплату аванса—50, изъ Лондона черезъ Шишко —68 40, съ вечера, даннаго Женевской группой —902, отъ Лейпцигской группы — 24 62, отъ Черноземной полосы — 66 25 (25 р.) за литературу — 378 65, отъ нѣмца — 5, на возстаніе 7 05, отъ Шр. — 58 35, съ реф. въ Лозаннѣ — 23, возвр. долгъ — 4, библіотечный взносъ — 10 20, отъ Лит. — 50, черезъ сестру — 18, отъ Женев. группы — 34 15, Льежъ: — за лит. — 56 57, портр. — 2 50 и 2 50, предпріятіе — 12 25, возвр. долгъ — 8, членск. взн. — 3, сборы по листамъ № 16 — 58 85, № 61 — 15 25, № 152 — 10, (на вооруженіе), въ Антверпенѣ собрано: по листамъ Tribune Russe въ пользу жертвъ царизма № 12 — 27, № 15 — 20, въ пользу стачечниковъ и на усиленіе боевыхъ средствъ — 344 04.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

П. Письмо троихъ получилъ. Все уладится.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ